

Ольга Сергеевна Каштанова

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России и Царстве Польском в XIX в.

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. к России были присоединены территории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы, а в 1815 г. в состав империи вошло автономное Царство Польское. Как и в Царстве Польском, обучение в учебных заведениях западных губерний, где культурную элиту составляли поляки, в первой трети XIX в. велось на польском языке. Толерантное отношение российских властей к такому положению объяснялось как богатыми традициями польского образования, так и проводимым до начала 1820-х годов либеральным курсом. Политические меры русского правительства в области деполонизации образования в западных губерниях, а затем и в Царстве Польском во многом ускорили восстания 1830 и 1863 г. за независимость, в которых активно участвовала польская молодежь. В 1830-е годы в средних и начальных школах западных губерний было введено обучение на русском языке. Постепенно происходило вытеснение польского языка из учебных программ, вплоть до полного запрета его преподавания. В Царстве Польском уставом 1833 г. русский язык вводился в качестве обязательного предмета в программы средних учебных заведений, его знание также стало условием приема на государственную службу. На основании указа 1839 г. был создан Варшавский учебный округ, унифицированы в соответствии с российскими образцами учебные программы. Период после подавления восстания 1863 г. стал завершающим этапом русификации образования в западных губерниях и Царстве Польском. После 1863 г. в учебных заведениях западных губерний поляки были почти полностью заменены русскими учителями. В Царстве Польском, постепенно утратившем свою автономию, русификация образования наступила в 1860–1870-е годы. Только после революции 1905 г. сложились предпосылки для развития там и в западных губерниях частного школьного образования на польском языке.

Ключевые слова: западные губернии, Россия, Царство Польское, просвещение, деполонизация, русификация, польские восстания

После разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. в состав Российской империи вошли земли Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы, где культурную элиту составляли поляки, а после образования в 1815 г. конституционного Царства Польского к России была присоединена и большая часть этнических польских земель. Наряду с Царством Польским обучение в высших, средних и начальных школах западных губерний в первой трети XIX в. также велось на польском языке, хотя русский язык присутствовал в программах. Польские школы имели богатую традицию, у истоков некоторых из них стояли иезуитские коллегии, появившиеся еще в XVI–XVII вв., часть школ находилась в ведении других монашеских орденов — базилианов, пиаров, францисканцев, бенедиктинцев и т.д. После упразднения в 1773 г. папой Климентом XIV (1769–1774 гг.) ордена иезуитов, игравшего значительную роль в области среднего и начального образования Речи Посполитой, и возникновения Эдукационной комиссии в стране была проведена реформа просвещения с целью создания единой системы образования. Эдукационная комиссия организовала ряд новых учебных заведений, иезуитские школы были преобразованы в светские или отданы под управление других монашеских орденов.

В результате I раздела Речи Посполитой к России отошли земли Восточной Белоруссии, составившие Полоцкую и Могилевскую губернии, а затем одноименные наместничества¹. Несмотря на ликвидацию ордена иезуитов, папское бреве не было оглашено в России, и иезуитские школы на территории Белоруссии продолжали существовать. С конца 1780-х годов в их программу стало вводиться преподавание русского языка, что связано с попыткой учреждения на белорусских землях русских школ в качестве альтернативы польскому влиянию. Согласно общероссийскому уставу 1786 г. о народных училищах, на территории этих наместничеств создавались двухклассные малые народные училища, а в главных городах губерний — четырехклассные главные народные училища².

Присоединенные к России по II и III разделам территории Речи Посполитой не затронули данные перемены. При Павле I в 1797 г.

¹ В 1802 г. эти территории были преобразованы в Витебскую и Могилевскую губернии.

² Wołczuk 1992: 49–50, 52–53; ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XXII. 1784–1788. № 16421. С. 646–669; № 16726. С. 1126.

была учреждена Литовская комиссия образования, которая создала ряд светских школ, отдав другие под управление монашеских орденов. Преподавание в школах вели в соответствии с предписаниями, по учебникам и программам, разработанным еще Эдукационной комиссией (за исключением некоторых пособий), новшеством стало введение в обучение русского языка. В правительственных проектах реорганизации образования в западных губерниях (1801) предлагалось: создание при каждой школе 1-го и 2-го классов для обучения «российскому чтению и письму», печатание русских учебников на двух языках — русском и польском, подчинение Комиссии народных училищ (затем — Главному управлению училищ) всех школ, находящихся в ведении монастырей и монашеских орденов, а также подготовка соответствующего числа студентов из западных губерний для работы учителями русского языка во всех польских школах³.

Эти проекты не были осуществлены в царствование Александра I. Сыграли свою роль такие факторы, как недостаток квалифицированных кадров, стремление привлечь на свою сторону поляков в преддверии войны с Наполеоном. Опыт деятельности Эдукационной комиссии был использован и при проведении реформы образования в России в 1803 г. В ходе реформы были созданы учебные округа, одним из которых стал Виленский учебный округ. Этот округ объединял Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии. Его учебным центром стала Главная Виленская школа, преобразованная указом от 4 апреля 1803 г. в Императорский Виленский университет. По количеству школ и числу учеников Виленский округ намного превосходил другие округа империи. К середине 1820-х годов 33% всей учащейся молодежи в России (22 тыс. 720 человек) приходилось на данный округ⁴. В 1803–1824 гг. Виленский учебный округ возглавлял князь А. Е. Чарторьский (1770–1861), близкий друг императора, член Негласного комитета и товарищ министра иностранных дел в 1802–1804 г., управлявший министерством в 1804–1806 гг. Чарторьский способствовал поддержанию и развитию образования на польском языке в западных губерниях, несмотря на сложные

³ Studnicki 1906: 14–16; Truchim 1960: 36, 42; Zasztowt 1997: 40–41, 44; Wolczuk 1992: 60.

⁴ Beauvois 1977: 688–691; Beauvois 1991: 249–254.

иерархические отношения в системе управления округом: фактическую независимость от университета иезуитских коллегиумов и академии (существовавших до 1820 г.), а также элитарного Кременецкого лицея⁵. На время его попечительства пришелся расцвет Виленского университета, в котором преподавали такие выдающиеся ученые, как Иероним Стройновский (1752–1815), Ян (1756–1830) и Анджей (1768–1838) Снядецкие, И. Лелевель (1786–1861) и др. В 1805 г. была образована Кременецкая гимназия, впоследствии ставшая лицеем, в основании которой большую роль сыграл заместитель попечителя Виленского учебного округа Т. Чацкий (1765–1813). И. Чернявский, а затем И. Н. Лобойко (1786–1861) читали в Виленском университете лекции по русской истории и литературе, Лобойко подготовил русскую грамматику на польском языке. В Кременецком лицее, в котором изучение истории России на русском языке было введено раньше, чем в других школах, русский язык, литературу и историю преподавал И. Т. Александровский. Преподавался русский язык и в Полоцкой иезуитской академии, на нем также читались лекции по истории и географии России и гражданской архитектуре⁶.

В большинстве средних школ Виленского учебного округа русский язык не был обязательным предметом. Он изучался в меньшей степени, чем предусматривал устав Виленского университета 1803 г., и нередко преподавался с перерывами, что объяснялось небольшой популярностью языка и нехваткой преподавателей. 26 июля 1810 г. руководство Виленского университета приняло решение, что ученики средних школ не могут быть освобождены от изучения русского языка, и, если этот язык не будет преподаваться в школах, организованных монашескими орденами, то они могут быть закрыты. Вероятно, это решение было реализовано уже после наполеоновской кампании, но в школах орденов русский язык по-прежнему продолжал изучаться нерегулярно. С 1819 г. во всех гимназиях Виленского округа было введено обязательное обучение русскому языку с 3-го класса⁷.

⁵ О сложных взаимоотношениях и различных взглядах на образовательный процесс руководства Виленского университета и Кременецкой гимназии см.: Бовуа 2011: 267–278.

⁶ Zasztowt 1997: 55; Wołoszyński 1974: 194–195, 199–201, 218–219; Wolczuk 1992: 56, 103.

⁷ Wolczuk 1992: 61–65, 68–69, 83–92.

В конце 1810-х — 1820-е годы последовали ограничения в сфере деятельности и полномочий куратора Виленского округа. В 1818 г. учебные заведения Киевской губернии стали подчиняться Харьковскому учебному округу. В 1823–1824 гг. в Вильно прошло следствие в связи с обнаружением существовавших в университете тайных просветительских студенческих обществ — филоматов и филаретов. В результате члены обществ — студенты и выпускники Виленского университета, в их числе и А. Мицкевич (1798–1855), были сосланы во внутренние российские губернии, а Чарторынский получил отставку с должности куратора. На его место был назначен сенатор Н. Н. Новосильцев (1761–1838), занимавший пост императорского комиссара при правительстве Царства Польского. При Новосильцеве были предприняты меры по усилению преподавания русского языка: в 1825 г. утверждены Положения, согласно которым русский язык стал изучаться в качестве обязательного предмета во всех классах уездных четырехклассных и трехклассных училищ и первых четырех классах гимназий. На него отводилось столько же часов, сколько на французский и немецкий. Также на русском языке должны были преподаваться история и география. Однако учителей русского языка по-прежнему не хватало. Значительные неудобства усиленное изучение русского причиняло школам, руководимым монашескими орденами, так как это шло в ущерб преподаванию других предметов. В 1824 г. Виленский учебный округ подвергся реорганизации. Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний были переданы Санкт-Петербургскому учебному округу, а в 1829 г. переведены во вновь образованный Белорусский учебный округ. После этого обучение в школах данных губерний, опирающееся на общеимперский устав 1828 г., стало вестись на русском языке, а польский язык преподавался в качестве одного из предметов. В 1830 г. преподавание на русском языке начали вводить также в учебных заведениях Киевской губернии⁸.

В Царстве Польском, обладавшем отдельным конституционным устройством и собственным правительством, вопросами образования занималась правительственная Комиссия вероисповеданий

⁸ ПСЗ, Собр. I. СПб., 1830. Т. XXXV. 1818. № 27542. С. 573; Т. XXXIX. 1824. № 30102. С. 577; ПСЗ, Собр. II. СПб., 1830. Т. IV. 1829. № 2599. С. 25–26; Рождественский 1902: 149, 183–184; Zasztowt 1997: 52, 57, 85; Wolczuk 1992: 97–100.

и общественного просвещения. В первоначальные планы наместника Царства князя Ю. Зайончека (1752–1826) входило введение в польских учебных заведениях преподавания русского языка, но они не были в полной мере осуществлены как из-за сопротивления министра просвещения С. Потоцкого (1755–1821), так и из-за нехватки учителей. Созданная в открывшемся в 1818 г. Варшавском университете кафедра славянских диалектов так никогда и не была занята — ни знаменитым славистом С. Б. Линде (1771–1847), ни позднее — А. Кухарским (1795–1862). Лектором русского языка и литературы в университете стал преподававший эти предметы в Варшавском лицее К. Вербуш. Русский язык изучался в качестве необязательного предмета и нерегулярно в некоторых публичных школах и школах, руководимых монашескими орденами. Преподавался он и в Калишском кадетском корпусе и Апликационной школе⁹.

Политические меры русского правительства в области деполонизации образования в западных губерниях, а затем и в Царстве Польском, приобрели широкий размах в связи с восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. за независимость, в которых активно участвовала польская молодежь.

В январе 1831 г. началась дальнейшая реорганизация Виленского учебного округа. Из сферы его управления были изъяты Подольская и Волынская губернии, которые были присоединены к Харьковскому учебному округу, и Минская губерния, отошедшая к Белорусскому округу. После подавления восстания 1830 г. Виленский учебный округ был расформирован, учебные заведения Виленской и Гродненской губерний переданы Белорусскому округу, а Волынской и Подольской — созданному в 1832 г. Киевскому учебному округу¹⁰. Виленский университет и Кременецкий лицей прекратили свое существование. Медицинский и теологический факультеты университета послужили основой образованных в Вильно академий — Медико-хирургической в 1832 г. и Духовной в 1833 г.¹¹ В Медико-хирургической академии польский язык был оставлен

⁹ Bieliński 1912: 493–498, 500–501; Kucharzewski 1914: 132–134; Wołoszyński 1974: 94, 203–205; Wolczuk 1992: 106, 108–112.

¹⁰ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. 1831. № 4251. С. 14; Рождественский 1902: 184.

¹¹ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1833. Т. VII. Отд. 1. 1832. № 5317. С. 225; № 5825. С. 903–904.

лишь на лекциях для ветеринаров и акушеров; такие предметы, как химия и минералогия, читались на русском; большинство же предметов преподавалось на латыни¹². На базе Кременецкого лицея в 1834 г. открылся Киевский университет с русским языком обучения¹³. Наряду с русскими профессорами здесь преподавали польские профессора из бывшего Кременецкого лицея и Виленского университета. В средних и начальных публичных школах бывшего Виленского округа осенью 1832 г. русский был введен в качестве языка преподавания, утверждены были новые программы, но официально общероссийский устав 1828 г. был введен только в 1834/1835 учебном году (указ от 5 (17) июля 1834 г.)¹⁴. Католическим и духовным орденам запрещалось открывать собственные школы. В июле 1832 г. были закрыты греко- и римско-католические приходские школы в Волынской и Подольской губерниях, на их месте создавались новые школы при православных церквях. То же самое касалось средних учебных заведений в северо-западных губерниях: они должны были быть закрыты или преобразованы в российские публичные школы¹⁵. Квалифицированного преподавательского персонала, знающего русский язык, не хватало, поэтому власти Белорусского округа столкнулись с большими трудностями не только при замене школ, руководимых духовенством, но даже при введении двух русских учителей в каждую из сохранных школ. Процесс замены католических и униатских школ российскими происходил на протяжении 1830-х годов, а в некоторых районах Литвы — до второй половины 1840-х¹⁶.

С середины 1830-х годов польские программы были приведены в соответствие с программами, действовавшими в российских школах. До 1834 г. в гимназиях западных губерний было четыре урока русского языка в неделю; в соответствии с новой программой их стало шесть (в 1–7 классах). Параллельно уменьшалось число часов, предусмотренных на изучение польского языка. До конца 1830-х

¹² Suchodolski B. (red.) 1977: 174; Zasztowt 1997: 105.

¹³ ПСЗ. Собр. II. 1833. СПб., 1834. Т. VIII. Отд. 1. № 6558. С. 648; № 6670. С. 790–798.

¹⁴ Zasztowt 1997: 58, 155; ПСЗ. Собр. II. Т. IX. Отд. 1. 1834. СПб., 1835. № 7250. С. 688.

¹⁵ Zasztowt 1997: 155–156.

¹⁶ О состоянии учебных заведений, подведомственных Министерству внутренних дел (Из отчета министра внутренних дел за 1836 год) // ЖМНП. 1837. Ч. XVI. Декабрь. С. 397–400; Zasztowt 1997: 87, 229.

годов в 1–4 классах гимназий на него отводилось по три часа в неделю, в 5–7 классах — по полтора часа в неделю. При этом иностранным языкам уделялось гораздо больше внимания. Так, в гимназиях на латынь отводилось шесть уроков в неделю для всех классов, на немецкий язык — три урока в неделю для всех классов, на французский язык — три урока в неделю, начиная со второго класса. После 1840 г. в большинстве школ отменили уроки польского языка и литературы¹⁷. Приобщение к родной культуре в среде польской молодежи происходило посредством дошкольного домашнего воспитания и учебы в частных пансионах¹⁸. Как отмечал Д. Бовуа, «вопреки надеждам Петербурга <...> попытка привлечь поляков в российскую школьную систему лишь в незначительной степени способствовала их интеграции в российское общество и поступлению на гражданскую службу, столь важную для российских дворян. Численность польского дворянства была незначительной и среди получивших высшее техническое образование, а также в армии»¹⁹. Введение в западных губерниях общероссийской системы сопровождалось, с одной стороны, уменьшением числа средних и начальных школ и их более четким сословным делением (стремлением властей ограничить доступ к среднему образованию лицам недворянского происхождения), с другой — появлением дворянских привилегированных учебных заведений, развитием женского образования. Благородные пансионы, как и общие ученические квартиры, должны были обеспечить учебной администрации больший контроль над учащимися. Внимание к женскому образованию было обусловлено убеждением властей о преобладающем влиянии матерей на воспитание польской молодежи. Несмотря на сокращение числа учебных заведений, количество школ и учащихся в западных губерниях в 1830-е — начале 1840-х годов все равно было больше, чем в других округах империи²⁰.

С 1836 г., в результате инспекции товарища министра просвещения графа Н. А. Протасова (1798/1799–1855), исполнявшего в декабре 1835 — феврале 1836 г. обязанности куратора Белорусского округа, последовал запрет преподавания польского языка в школах Витебской и Могилевской губерний. В том же году прекратилось изучение

¹⁷ Zasztowt 1997: 259–260.

¹⁸ Iwański A. Pamiętniki 1832–1876. Warszawa, 1928. S. 20–25; Бовуа 2011: 480.

¹⁹ Бовуа 2011: 479.

²⁰ Рождественский 1902: 304–308; Zasztowt 1997: 94.

польского языка в Главном педагогическом институте в Петербурге, где с 1833 г. он преподавался для будущих учителей школ западных губерний²¹.

Дальнейшие ограничения в сфере преподавания польского языка, сопровождавшиеся сменой польского профессорского состава, произошли в связи с раскрытием заговора Ш. Конарского (1808–1839), действовавшего в качестве эmissара тайной патриотической организации Сдружества польского народа и завязавшего отношения со студенческими обществами в виленской Медико-хирургической академии и Киевском университете. В 1838 г. кафедра польской филологии в Киевском университете была окончательно упразднена, а в следующем году на несколько месяцев закрылся и сам университет. Преподававшие там польские профессора были переведены в другие российские высшие учебные заведения, либо получили отставку, оставшиеся немногочисленные поляки занимали лишь второстепенные должности. В 1842 г. была ликвидирована Медико-хирургическая академия (на базе которой возник медицинский факультет Киевского университета), а Духовная академия переведена из Вильно в Петербург. В 1830-е годы в западных губерниях был введен запрет принимать в средние школы в качестве учителей лиц католического вероисповедания, но он не всегда соблюдался из-за недостатка учителей. В период между восстаниями католическая молодежь доминировала в средних школах, в то время как в приходских — православная (за исключением Литвы)²².

Наряду с переустройством системы образования по российскому образцу, также в 1830-е годы велась работа по введению на территории западных губерний российского законодательства, поскольку там еще сохранялось действие Литовского статута. В 1831 г. российские гражданские законы вступили в силу в Могилевской и Витебской губерниях. В следующем году русский язык был введен в судопроизводство Киевской, Волынской и Подольской губерний. На территории всего Западного края статут действовал вплоть до 1840 г.²³ Процесс преобразования судебно-законодательной сис-

²¹ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1836. Т. X. Отд. 2. 1835. № 8527. С. 1064; СПб., 1837. Т. XI. Отд. 1. 1836. № 8825. С. 90; *Zashtowt* 1997: 87–88.

²² *Zashtowt* 1997: 135, 137, 235, 237.

²³ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. 1831. № 4233. С. 1; СПб., 1833. Т. VII. Отд. 1. 1832. № 5354. С. 264; № 5407. С. 316; СПб., 1841. Т. XV. Отд. 1. 1840. № 13591. С. 443–445.

темы западных губерний в соответствии с общероссийской сопровождался деклассацией безземельной шляхты, которая, согласно новым правилам, должна была представить в ревизионные комиссии и Герольдию документы, подтверждающие дворянское происхождение²⁴, и исключением ее из привилегированного сословия. По некоторым оценкам, около 40 % от общего числа дворян западных губерний лишились статуса²⁵. Это нельзя рассматривать только как карательную меру самодержавия, видевшего в обедневших шляхтичах потенциальных участников восстания. Идеи лишения безземельного дворянства политических прав выдвигались в польском обществе еще в период существования Речи Посполитой²⁶, а затем в российских кругах в конце XVIII — начале XIX в.²⁷ Одновременно с «разбором» шляхты во второй четверти XIX в. в высших сферах происходило обсуждение мер, направленных на ущемление в сословных правах или полное их лишение с переводом в категорию однодворцев, а затем государственных крестьян представителей малопоместного дворянства центральных губерний империи²⁸. Сочетание карательных и унификационных тенденций проявилось и в политике российских властей в отношении католической церкви. На основании указа 1841 г. в западных губерниях была проведена секуляризация земель и собственности католической церкви, ранее закрылись многие монастыри²⁹. Усиливались позиции православной церкви. Кульминацией этого процесса стало воссоединение униатской церкви с православной на Полоцком церковном соборе в 1839 г. После ликвидации унии большинство греко-католического населения, около 1,5 млн человек, российские власти признали православным.

Конец 1840-х годов был отмечен еще бóльшим ужесточением мер в отношении преподавания польского языка в западных губерниях. Распоряжением куратора Белорусского учебного округа Э. А. Грубера (1791/92–1859) от 5 (17) января 1850 г. преподавание польского языка как необязательного предмета было запрещено в школах

²⁴ Там же. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 2. 1831. № 4869. С. 134–138; СПб., 1834. Т. VIII. Отд. 1. 1833. № 6644. С. 771–772.

²⁵ Долбилов, Миллер и др. 2006: 104.

²⁶ См.: Jedlicki 1968: 86, 89, 143, 146, 149–155.

²⁷ См.: Бовуа 2011: 366–369, 376–411.

²⁸ Горизонтов 1999: 40.

²⁹ Долбилов 2010: 68–80, 87–88; ср.: Бовуа 2011: 489–502.

данного округа. В 1850 г. Белорусский учебный округ был преобразован в Виленский. В него вошли те же губернии — Виленская, Ковенская (выделенная из части Виленской губернии в 1842 г.), Гродненская, и Минская, за исключением Витебской и Могилевской, присоединенных к Санкт-Петербургскому учебному округу и только в 1864 г. переданных Виленскому округу³⁰. Указом от 8 (20) февраля 1854 г. преподавание на польском языке было отменено во всех мужских и женских частных учебных заведениях в Виленском и Киевском округах (а полякам запрещалось открывать частные пансионы в указанных губерниях)³¹.

После восшествия Александра II на престол последовала относительная либерализация политической и общественной жизни. В 1857–1858 гг. польский язык был возвращен в качестве дополнительного предмета в школы Виленского округа: в гимназиях в 1–4 классах на его изучение предусматривалось по два урока в неделю, в 5–7 классах — по одному уроку, в уездных дворянских школах — по два урока в неделю во всех классах. В 1859–1860 гг. аналогичное решение было принято и в отношении школ Киевского учебного округа. В начале 1860-х годов в Волынской и Киевской губерниях были восстановлены некоторые из упраздненных в 1830-е годы католических приходских школ, но после восстания 1863–1864 гг. они снова были закрыты, а польский язык изъят из учебных программ средних учебных заведений. Предпринимались попытки воссоздания кафедры польской филологии в Киевском университете. Несмотря на поддержку Петербурга и куратора Киевского округа Н. И. Пирогова (1810–1881) это не удалось по причине противодействия некоторых русских профессоров университета³².

Теперь рассмотрим политику российских властей в области образования, проводившуюся в 1830–1850-е годы в Царстве Польском. После подавления восстания 1830 г. польская конституция была отменена и принят Органический статут. Варшавский университет и многие научные общества, в том числе Общество друзей наук, были закрыты. Управление образованием сосредоточилось

³⁰ Zasztowt 1997: 88.

³¹ Рождественский 1902: 383.

³² *Bobrowski T. Pamiętnik mojego zycia / oprac. J. Kieniewicz. Warszawa, 1979. Т. II. S. 359–360; Zasztowt 1997: 90, 95, 200, 202–203, 221, 295–297. Ср.: Рождественский 1902: 383–384.*

в объединенной правительственной Комиссии внутренних и духовных дел и общественного просвещения Царства Польского и Совете общественного воспитания. В Царстве Польском уставом 1833 г. вводилось обязательное обучение русскому языку в окружных школах и гимназиях. На русский язык отводилось 12 уроков в неделю, т.е. 18 часов. Столько же времени предусматривалось на польский язык и латынь. В высших классах гимназий русский язык изучался девять часов в неделю. Для реализации этой программы из России были приглашены учителя, которым обеспечивалось высокое жалованье и персональные выплаты. По инициативе наместника Царства Польского князя И. Ф. Паскевича (1782–1856) в польских школах для учителей и учеников были введены мундиры, которые носили в российских учебных заведениях. Со временем область изучения русского языка была расширена: в 1838 г. в трех старших классах гимназий было введено преподавание российской истории на русском языке. С августа 1837 г. знание русского языка стало требоваться и при приеме на государственную службу, с этой целью в декабре того же года Административным советом Царства было принято решение об открытии в Варшаве, губернских и уездных центрах бесплатных курсов русского языка для чиновников и аппликантов³³.

В соответствии с указом Николая I от 20 ноября (2 декабря) 1839 г. Отделение общественного просвещения в объединенной Комиссии внутренних и духовных дел упразднилось. Для централизации управления образованием Царства Польского был учрежден Варшавский учебный округ, в ведении которого находились все польские учебные заведения, кроме специальных — медицинских и духовных. Его куратор подчинялся непосредственно Министерству народного просвещения в Петербурге, но обладал определенной автономией, поскольку распоряжения министра по округу должны были согласовываться с наместником И. Ф. Паскевичем. Официально создание Варшавского учебного округа имело целью связать польскую среднюю школу с высшими образовательными заведениями Российской империи и облегчить польской молодежи возможность поступления в российские университеты³⁴. Первым его

³³ Poznański 1980: 74–78, 80–86, 92–96; Kucharzewski 1914: 131–132, 134–138, 145–149, 151–152, 174–181; DPKP. Warszawa, 1836. Т. 17. S. 408–411.

³⁴ DPKP. Warszawa, 1840. Т. 24. S. 232–253.

куратором стал генерал-майор Н. А. Окунев (1788–1750). В 1835 г. были введены правительственные стипендии для обучения в российских университетах выпускников польских гимназий в области педагогики, а с 1840 г. и права. По окончании университета они должны были шесть лет отработать в системе государственного образования или десять лет в системе юриспруденции Царства Польского. Для юристов в Петербургском и Московском университетах образовывались по две кафедры польского права — одна гражданского, вторая — уголовного и административного. Занятия на кафедрах проводились на русском языке. Первоначально планировалось 60 стипендий для юристов и учителей, однако в последующие годы число стипендиатов было сокращено за счет выделения стипендий для обучения учителей русского языка из русских студентов. С целью подготовки учителей окружных школ и правительственных стипендиатов в Варшаве для будущих педагогов были организованы дополнительные курсы. На них в филологической секции на русском языке преподавались всеобщая история и география, в технической — начальная геометрия и арифметика. На аналогичных курсах для будущих юристов на русском языке изучались Свод законов Российской империи, история и статистика России и русская литература³⁵.

В 1841 г. в Царстве Польском была завершена работа по пересмотру учебных программ и существующих учебников. Тогда же (в 1840–1841 гг.) было введено обучение церковнославянскому языку в старших классах гимназий и окружных школ в качестве вспомогательного средства для увеличения со временем области применения русского языка. Церковнославянский язык преподавался и на дополнительных и юридических курсах в Варшаве. Поскольку учителей церковнославянского не хватало, на лекции этого предмета должны были ходить польские стипендиаты — педагоги и юристы — в Московском и Петербургском университетах. Однако из-за недоверия правительства к славянофильским доктринам программа преподавания церковнославянского языка постепенно урезалась. В 1846 г. в окружных школах уроки церковнославянского были отменены,

³⁵ Kucharzewski 1914: 390–392, 397, 405–407, 440, 464, 467, 513, 541; О приготвлении учителей для Варшавского учебного округа (8 марта 1851 года) // ЖМНП. 1851. Ч. LXX. Март. С. 174; Об употреблении стипендиального фонда, предназначенного на образование юношества Царства Польского (8 марта 1851 года) // Там же. С. 175–176.

а в гимназиях соединены с преподаванием русского. В 1851 г. студенты-юристы были освобождены от обязанности посещать лекции церковнославянского языка³⁶. Для поощрения учеников в овладении русским языком начиная с 1840/1841 учебного года в гимназиях проводился конкурс, заключающийся в написании на русском работы на заданную тему. Победители получали серебряные медали. Указ от 3 сентября 1846 г. оговаривал условия принятия молодежи из Царства Польского в российские учебные заведения, а также ее служебные права по их окончании. Так же как и выпускники гимназий западных губерний, уроженцы Царства Польского получали чин 14 класса только за успехи в российской литературе. Те из них, кто избирал чиновничью службу, могли рассчитывать на пост в западных губерниях лишь после пятилетней службы в великорусских губерниях³⁷.

В середине 1840-х годов в правительственных кругах возникла мысль об использовании русского алфавита с целью издания книг на польском языке, предназначенных для начальных школ. Созданный в 1844 г. по распоряжению Николая I специальный комитет пришел к выводу, что русский алфавит не может передать всех звуков, свойственных польскому языку, и без соответствующей его реформы эта идея не осуществима. Новая комиссия в составе К. С. Сербиновича (1797–1874) и П. П. Дубровского (1812–1882), организованная в 1852 г., пошла навстречу желаниям императора и разработала специальную азбуку, самолично отредактированную Николаем I, приближенную к русским правилам орфографии и ориентированную не на польского, а на русского читателя. По поручению Министерства народного просвещения Дубровский издал на ее основе «Образцы польского языка в прозе и стихах для русских». Эта книга, представленная как частная инициатива Дубровского, была разослана в польские учебные заведения³⁸.

В начале 1860-х годов, в рамках компромиссного политического курса Александра II, в Царстве Польском были проведены реформы в сфере образования. В марте 1861 г. Варшавский учебный округ был

³⁶ Kucharzewski 1914: 264–265, 268, 274–281, 398, 467; Wolczuk 2005: 107–108; Ср.: Щербатов 1896: 252–253; О преподавании славянского языка уроженцам Царства Польского (8 марта 1851 года) // ЖМНП. 1851. Ч. LXX. Март. С. 177.

³⁷ Wolczuk 2005: 124–126; ПСЗ. Собр. II. СПб., 1847. Т. XXI. Отд. 2. 1846. № 20391. С. 262.

³⁸ Успенский 2004: 124–138, 156–173.

ликвидирован, а руководство системой образования приняла на себя возрожденная Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения. Ее директором стал маркиз А. Велёпольский (1803–1877). В мае 1862 г. был утвержден Устав об общественном воспитании в Царстве Польском, в соответствии с которым возникли два высших учебных заведения: Варшавская главная школа (университет) и Политехнический институт в Пулавах³⁹.

Новый виток мероприятий, направленных на деполонизацию образования и административного аппарата, пришелся на период после подавления восстания 1863–1864 годов. По крайней мере, некоторые из них обдумывались в бюрократических кругах ранее, поскольку обсуждение вопроса об отмене крепостного права в России резко обострило национальные противоречия на западных окраинах между местной элитой и имперской властью⁴⁰.

Согласно циркуляру от 1 января 1864 г. главного начальника Северо-Западного края М. Н. Муравьева (1796–1866), без разрешения администрации не допускались к преподаванию католические священники и обучение на польском языке, а руководству уездов, полиции и мировым посредникам было поручено наблюдать за случаями «неразрешенного обучения». В том же году попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов (1811–1901) уволил из школ почти всех учителей-поляков и вообще католиков. Аналогичные меры предпринимались и в Киевском учебном округе. Так, из Киевского университета были удалены почти все польские преподаватели, а количество студентов-поляков не могло превышать 20 % от общего числа студентов⁴¹. В Московском, Казанском и Харьковском университетах было учреждено 60 стипендий на историко-филологических и физико-математических факультетах для православных учителей гимназий и прогимназий западных губерний. С 1864 г. было ассигновано 50 тыс. рублей на выдачу служащим в сфере образования лицам русского происхождения и уроженцам прибалтийских губерний дополнительного жалованья в размере половины оклада. После 1863 г. в средних школах западных губерний католики преподавали лишь вероучение. Процент учеников-католиков также уменьшился

³⁹ Suchodolski 1977 (red.): 213–215, 221–222; Miąso 1966: 104–105.

⁴⁰ Долбилов, Миллер и др. 2006: 138–139, 168.

⁴¹ Zasztowt 1997: 137.

благодаря материальной поддержке и системе поощрений, оказываемых православным учащимся, с 80–90 % в 1830-е годы до менее 40 % в 1860-е годы⁴². Кроме того, были закрыты гимназии и прогимназии, где большинство учеников составляли католики. Оттоку учащихся из гимназий способствовали такие меры, как запрет преподавания польского языка и запрещение его использования не только в стенах школы, но и ученических квартирах; преподавание католического закона Божьего на русском языке⁴³; увеличение платы за обучение с освобождением от нее не более 10 % учеников, преимущественно православных; новые правила подтверждения дворянского происхождения, связанные с большими трудностями и издержками; требование подписки от родителей и опекунов-католиков для учащихся старше 14 лет, с обязательством уплаты штрафа в случае их участия в беспорядках⁴⁴. По мысли властей, нужно было сократить число мужских гимназий, вкладывая средства в развитие начальных школ и женского образования, что нашло отражение в утвержденных императором «мнениях» Государственного совета от 8 июля 1868 и 26 мая 1869 г.⁴⁵ После 1863 г. особое значение в среде польского дворянства приобрело домашнее обучение, так как только оно проводилось на польском языке⁴⁶.

В западных губерниях России стала осуществляться программа интенсивной деполонизации: было запрещено использование польского языка в администрации, коммерческой переписке и общественных местах, запрещались церковные книги на польском языке. Католикам не разрешалось занимать государственные должности (хотя

⁴² Рождественский 1902: 466; Zasztowt 1997: 236–237; Ведомость о распределении учеников, состоявших в гимназиях и прогимназиях к 1-му января 1869 года, по вероисповеданиям и сословиям // ЖМНП. 1870. Ч. CXLVII. Январь. С. 154–155.

⁴³ Хотя в силу Временных правил 1863 г. закон Божий должен был даваться «на местном наречии», его преподавание на русском было узаконено утвержденными Александром III мнением Государственного совета от 28 декабря 1882 г. и правилами от 7 февраля 1892 г. См.: ПСЗ. Собр. III. СПб., 1886. Т. II. 1882. № 1282. С. 484; Рождественский 1902: 688–689.

⁴⁴ Сведения о числе учившихся в наших гимназиях с 1857 по 1866 год // ЖМНП. 1868. Ч. CXXXIX. Август. С. 225–226, 232, 272.

⁴⁵ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1873. Т. XLIII. Отд. 2. 1868. № 46099. С. 47–48; СПб., 1873. Т. XLIV. Отд. 1. 1869. С. 513–518; Рождественский 1902: 583–585. О политике российских властей в сфере образования в западных губерниях см. также: Бабин 2004: 199–224; Сергеевкова, Ершова, Гулюк, Шареева 2008: 57–75.

⁴⁶ Epszstein 2008: 87.

в конце 1860-х — начале 1880-х годов. этот запрет не всегда выполнялся). Одновременно поощрялось распространение православия. За несколько лет после восстания 1863 г. в северо-западных губерниях православие приняли более 70 тыс. человек, большинство из которых составляли крестьяне. В результате конфискаций, контрибуций, вынужденной продажи земли и ограничений в торговле землей, введенных для поляков, к концу XIX в. резко сократилась доля земли, находившаяся в руках польских дворян⁴⁷.

Власти противопоставляли полякам проживавшее в западных губерниях этническое большинство — украинцев, литовцев, белорусов, чем в немалой степени способствовали развитию национального самосознания данных народов. Жесткая политика правительства осуществлялась не только в отношении польского языка, но также в отношении украинского, белорусского и литовского языков. Даже в начальных школах не допускалось преподавание на украинском и белорусском, которые рассматривались не как отдельные языки, а лишь как диалекты русского. Принятые в конце 1850-х годов правила издания украинских и белорусских книг только кириллицей, а не латиницей в 1865 г. были распространены и на литовские книги⁴⁸.

В Царстве Польском русификация образования наступила в 1860–1870-е годы. Особую роль играла политика приведения системы управления Царства Польского в соответствие с остальной территорией Российской империи, чем в том числе занимался созданный 2 марта 1864 г. Учредительный комитет. Переход к более жесткому курсу наметился в 1866 г., после покушения на Александра II Д. В. Каракозова (1840–1866) и отхода от руководства комитетом статс-секретаря по делам Царства Польского Н. А. Милютин (1818–1872). В 1866–1871 гг. были упразднены единые органы управления Польшей — Государственный совет, Административный совет, правительственные комиссии. Царство Польское как автономная государственная единица фактически перестало существовать, превратившись в Привислинский край, состоявший из унифицированных по российскому образцу губерний. Аналогичные мероприятия проводились и в сфере законодательства: в 1866 г. на Польшу было

⁴⁷ Долбилов, Миллер и др. 2006: 266; Epsztein 2008: 82. О конфессиональной политике правительства в северо-западных губерниях см. подробнее: Долбилов 2010: 227–529.

⁴⁸ Долбилов, Миллер и др. 2006: 156–157, 249.

распространено действие российского уголовного кодекса, в 1875 г. судопроизводство было переведено на русский язык. Деполонизация кадрового состава бюрократии после восстания 1863 г. зашла гораздо дальше, чем во времена И. Ф. Паскевича. Посты в учебном и судебном ведомствах были почти полностью заняты русскими чиновниками. Если в 1860-е годы общая доля поляков в администрации составляла 80 %, то к концу века она сократилась до 50 %⁴⁹.

В 1860-е годы русификация из административно-правовой сферы распространилась на сферу образования. Чтобы устранить монополию поляков в этой области, было принято решение об организации начальных и средних школ в Царстве по национальному признаку — для польского, литовского, греко-униатского и немецкого населения (указы Александра II от 30 августа (11 сентября) 1864 г. и 5 (17) января 1866 г.), причем польские начальные школы были изъяты из ведения католического духовенства. Преподавание в «национальных» школах должно было вестись на родном языке большинства воспитанников, для учеников униатских школ — на русском⁵⁰. Однако отход от данного принципа обнаружился уже при проведении реформы средней школы. На основании указа от 29 июля (10 августа) 1866 г. отдельных гимназий для греко-униатского и литовского населения не предусматривалось. Русины и литовцы должны были посещать русские школы, для последних по желанию мог преподаваться литовский язык. Кроме того, часть польских средних учебных заведений была преобразована в так называемые «смешанные гимназии и прогимназии» с русским языком преподавания, официально — «для потребностей еврейского населения», но туда принимались дети представителей и других этнических меньшинств. 15 мая 1867 г. правительственная Комиссия общественного просвещения была упразднена и воссоздан Варшавский учебный округ. С начала 1868/1869 учебного года во всех польских средних школах Варшавского округа было введено преподавание на русском для физико-математических и исторических дисциплин, в немецких училищах это коснулось всеобщей истории и географии. Указом от 1 мая 1869 г. Александр II распорядился о преподавании в средних польских и немецких школах

⁴⁹ Долбилов, Миллер и др. 2006: 193.

⁵⁰ ДПКР. Warszawa, 1864. Т. 62. S. 334–359, 366–389; Warszawa, 1866. Т. 64. S. 24–301.

Варшавского округа вообще всех предметов на русском языке. В частных пансионах русский язык первоначально был сделан обязательным только для изучения физико-математических и исторических наук. В 1872 г. постановления общероссийского устава о гимназиях и прогимназиях 1871 г. были распространены на Варшавский учебный округ. В гимназиях, где большинство учеников составляли поляки, на польском мог преподаваться лишь католический закон Божий, но и это часто не соблюдалось. Уроки польского языка проводились на русском языке, кроме того, в 1872 г. он был отнесен к необязательным предметам. В стенах школы запрещалось говорить на польском, также не разрешалось чтение польских книг за пределами учебного заведения. Чтобы не допустить малейшего влияния польских общественных кругов на процесс обучения, из устава были исключены статьи о почетных попечителях и пансионах, содержащихся за счет местных обществ. В 1874 г. на Варшавский округ был распространен общий устав реальных училищ 1872 г.⁵¹ Вследствие указа Сената от 8 июня 1869 г. Варшавская главная школа была преобразована в университет с русским языком преподавания. В том же году был закрыт Пулавский политехнический институт, а вместо него создан Институт сельского хозяйства и лесоводства, в котором занятия велись на русском языке. Для привлечения в университет уроженцев Царства Польского православного и греко-униатского исповедания были учреждены казенные стипендии. В 1867 г. русским чиновникам в Царстве Польском установлены прибавки к жалованью через каждые пять лет в размере 15% от оклада, а для служащих в сфере образования — в размере 25%. В 1886 г. приняты новые положения о преимуществах службы в отдаленных местностях, западных губерниях и Царстве Польском⁵².

Введение русского как языка обучения в первые годы ухудшило качество преподавания предметов, поскольку русских учителей

⁵¹ Рождественский 1902: 489, 589–590; Ср.: Staszyński 1964: 145–146; Нигалатий 2009: 89–181; ДПКР. Warszawa, 1867. Т. 67. S. 64–79; ПСЗ. Собр. II. СПб., 1876. Т. XLIX. Отд. 1. 1874. № 53147. С. 187–189; Извлечения из всеподданнейшего отчета г. министра народного просвещения за 1868 год // ЖМНП. 1870. Ч. CXLVII. Январь. С. 56–58.

⁵² ПСЗ. Собр. II. СПб., 1871. Т. XLII. Отд. 1. 1867. № 44887. С. 1196; Там же. Собр. III. СПб., 1888. Т. VI. 1886. № 3817. С. 355–357; Рождественский 1902: 489, 586–588, 683.

не хватало, а далеко не все польские преподаватели владели государственным языком в достаточной степени. В помощь учащимся в освоении русского служили школьные библиотеки, в которых, помимо книг российских авторов, были переводы на русский язык известных зарубежных писателей, например, А. Дюма и Т. Майн Рида⁵³. Впрочем, представители власти и проводники правительственного курса отдавали себе отчет в том, что овладение поляками русским языком не является гарантией того, что они будут чувствовать себя русскими.

Русификация в системе начального школьного образования наступила позже реформы высшего и среднего звена. В славянофильской среде Учредительного комитета (Ю. Ф. Самарин (1819–1876), А. Ф. Гильфердинг (1831–1872)) вновь зародилась мысль о введении в начальных школах Царства Польского обучения по польским учебникам, напечатанным русским шрифтом. В 1860-е годы на основе азбуки, подготовленной Гильфердингом и польским филологом С. Микуцким (1814–1890), было издано несколько книг, представлявших полный комплект учебников для начальных школ⁵⁴. Однако эта идея не получила дальнейшей реализации, поскольку победила правительственная линия, направленная на непосредственную русификацию образования. В 1871 г. Комитет был распущен, в 1872/1873 учебном году всем начальным школам Царства Польского было предложено переходить на обязательное обучение чтению и письму на русском языке. Несмотря на указ от 30 апреля 1864 г., предоставлявший выбор учителей местным гминным и сельским обществам, по негласному распоряжению Александра II в 1871 г., назначение учителей должны были контролировать начальники учебных дирекций. Предписание 1879 г. на имя попечителя Варшавского округа А. Л. Апухтина резко ограничивало допуск ксендзов к преподаванию в начальных школах⁵⁵.

Как и в западных губерниях, в Царстве Польском сокращалось количество средних учебных заведений и слабо развивалась сеть начальных школ, в результате чего к концу XIX в. эти территории стали заметно уступать по числу школ другим округам Российской империи.

⁵³ Нигалатий 2009: 204–205, 207.

⁵⁴ Успенский 2004: 123, 138–142.

⁵⁵ ДРКР. Т. 62. С. 346–349; Рождественский 1902: 590–592.

В 1860-е годы в Царстве Польском был предпринят ряд мер, направленных против католической религии и одновременно носящих унификационный характер. Так, в качестве наказания за участие духовенства в восстании в 1864 г. было закрыто более половины монастырей. С 1865 г. проведена секуляризация всей церковной недвижимости и отменена опека шляхты над приходами. В 1867 г. после разрыва конкордата с Римом католическое духовенство было переведено под контроль Римско-католической духовной коллегии в Петербурге. Наконец, в 1875 г. была ликвидирована греко-католическая церковь, а униатов принуждали к переходу в православие⁵⁶.

1880-е годы были отмечены дальнейшей русификацией образования, осуществлявшейся попечителем Варшавского учебного округа А. Л. Апухтиным (1822–1903), находившем поддержку в лице министра просвещения И. Д. Делянова (1818–1897/1898) и министра внутренних дел графа Д. А. Толстого (1823–1889). С другой стороны, в это время делались попытки пересмотра некоторых ограничений в области преподавания польского языка и католического вероучения, выбора учителей начальных школ, причем инициатива исходила от варшавского генерал-губернатора П. П. Альбединского (1826–1883). В 1882 г. число уроков, предусматривавшихся для изучения польского языка в гимназиях и реальных училищах, было увеличено, на него стало отводиться столько же часов в неделю, сколько на французский и немецкий. В следующем году в университете в рамках кафедры славянской филологии начал читаться отдельный курс польской словесности, но на русском языке. Проект постановления Комитета по делам Царства Польского об участии гминных и сельских обществ в избрании учителей для начальных школ, о принятии в качестве учителей закона Божьего католических священников, о введении в обучение в школах, где большинство учеников составляли поляки, чтения и письма на польском языке не получил поддержки при обсуждении в Комитете министров. Согласно закону от 5 марта 1885 г., преподавание в начальных школах Царства Польского всех предметов, кроме родного языка учащихся и закона Божьего, должно было вестись на русском языке⁵⁷.

⁵⁶ ДРКР. Т. 62. С. 406–419; Долбилов, Миллер и др. 2006: 194–195.

⁵⁷ Рождественский 1902: 681–687; ср.: Staszyński 1964: 147–148; ПСЗ. Собр. III. СПб., 1887. Т. V. 1885. № 2792. С. 95. Об образовательной политике российских властей в Царстве Польском в 1880–1890-е гг. см. также: Лопатина 2011: 90–133.

Для борьбы против русификации, а также в связи с недостаточным количеством школ, в 1870–1880-е годы стали создаваться тайные учебные заведения, в которых велось преподавание польского языка, истории и культуры. Сеть тайных школ быстро покрыла всю территорию Польши, тайное обучение на польском, как и на других местных языках, было распространено также среди населения западных губерний⁵⁸. В соответствии с указом Сенату от 3 апреля 1892 г., введившем «Временные правила о взысканиях за тайное обучение в северо- и юго-западных губерниях», устройство и содержание школы без разрешения правительства наказывалось штрафом до 300 рублей или арестом до трех месяцев. Такому же наказанию подвергались все лица, которые оказывали содействие устройству тайной школы⁵⁹. 26 мая 1900 г. эти правила были распространены на Царство Польское⁶⁰.

Послабления в сфере языковой политики наступили только после революции 1905 г. 17 (30) апреля того же года последовал указ «об укреплении начал веротерпимости»⁶¹, вследствие которого министр просвещения граф И. И. Толстой (1858–1916) распорядился разрешить преподавать в школах западных губерний закон Божий для поляков на польском языке. На основании указа от 1 (14) мая 1905 г. полякам в западных губерниях позволялась аренда и покупка земли, говорилось о возвращении дворянского самоуправления. Было разрешено преподавать польский и литовский язык в начальной и средней школе «в тех местностях, где большинство учащихся принадлежит к польской или литовской народности»⁶². В результате польский и литовский языки были введены в качестве необязательного предмета в учебные программы. Согласно положению Комитета министров, утвержденному 6 июня, во всех учебных заведениях Варшавского округа преподавание католического закона Божьего должно было вестись «на природном языке учащихся», подтверждалось, что «преподавание польского языка в начальных училищах, а также для желающих и в среднеучебных заведениях, должно производиться на польском языке»⁶³.

⁵⁸ См.: Miąso 1990: 47–85; Zasztowt 1996: 119–143.

⁵⁹ ПСЗ. Собр. III. СПб., 1895. Т. XII. 1892. № 8486. С. 223–224.

⁶⁰ Там же. СПб., 1902. Т. XX. 1900. Отд. 1. № 18649. С. 527–528.

⁶¹ Там же. СПб., 1908. Т. XXV. 1905. Отд. 1. № 26125. С. 257–258.

⁶² Там же. № 26162. С. 285.

⁶³ Там же. № 26368. С. 437–438.

Бойкотирование молодежью школ в Царстве Польском вынудило российские власти дать 1 (14) октября 1905 г. разрешение на открытие средних частных учебных заведений с польским языком преподавания, за исключением русского языка, истории и географии, которые изучались на русском языке. В период революции 1905–1907 годов в большинстве начальных школ Царства Польского под нажимом родителей учащихся обучение стало вестись на польском языке. Власти не могли согласиться с таким положением вещей, разрешив преподавание на польском отдельных предметов, в частности, арифметики. После революции 1905 г. тайное обучение на польском языке приобрело еще больший размах, поскольку в 1906 г. на короткое время было отменено следовавшее за него наказание⁶⁴.

Таким образом, в языковой политике российского правительства на территории западных губерний и в Царстве Польском в XIX в. можно выделить несколько этапов — от толерантного отношения к системе польского образования в первой трети XIX в. к деполонизации образования в западных губерниях в 1830-е годы и его последующей русификации также и в Царстве Польском после 1863 г. В этом процессе восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов, безусловно, сыграли существенную роль. Однако мероприятия по деполонизации обучения в западных губерниях, вероятно, все равно бы имели место, но проходили бы постепенно и без излишних крайностей, поскольку начало этому процессу было положено еще в 1829 г. Унификация гражданских законов, судопроизводства и образования в западных губерниях с общероссийскими являлась для российского правительства насущной задачей, так как в интересах империи было важно уменьшить связь между территориями бывшей Речи Посполитой и отнять у поляков надежду на возможность объединения этих земель в будущем. Также представляется закономерным процесс постепенного введения русского языка в программы учебных заведений и делопроизводство государственных учреждений Царства Польского. Разумеется, область его применения зависела бы от степени самостоятельности Царства в рамках Российской империи.

⁶⁴ Там же. №26756. С. 710–711; Miąso 1990: 75–76; Epsztein 2008: 92–93.

Список сокращений

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ДРКР — Dziennik praw Królestwa Polskiego

Литература

- Бабин 2004 — *Бабин В.Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): материалы научно-теоретической конференции, 8–10 декабря 2003 года / редколлегия: Л. А. Вербицкая, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. С. 199–224.
- Бовуа 2011 — *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / авторизованный пер. с франц. М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.
- Горизонтов 1999 — *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
- Долбилов 2010 — *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 999 с.
- Долбилов, Миллер и др. 2006 — *Бережная Л.А., Будницкий О.В., Долбилов М.Д., Макушкин А.В., Миллер А.И.* Западные окраины Российской империи: коллективная монография / научн. ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Лопатина 2011 — *Лопатина Е.Б.* Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 209 с. (рукопись).
- Нигалатий 2009 — *Нигалатий М.Е.* Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е — сер. 70-х гг. XIX в.: начальное и среднее образование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 235 с. (рукопись).
- Рождественский 1902 — *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб.: Издание министерства народного просвещения, 1902. 787 с.
- Сергеенкова, Ершова, Гулюк, Шараева 2008 — *Сергеенкова В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И.* Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX — начало XX в.) // Российские и славянские исследования: научный сборник / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2008. Вып. 3. С. 57–75.

- Успенский 2004 — *Успенский Б. А.* Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского (вопросы графики и орфографии) // *Успенский Б. А.* Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 123–155.
- Щербатов 1896 — *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб.: Тип. Р. Голике, 1896. Т. 5. 1832–1847 гг. 414 с.
- Beauvois 1977 — *Beauvois D.* Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803–1832. Lille: Atelier reproduction des thèses Université de Lille III; Paris: diffusion Librairie Honoré Champion, 1977. Т. II. 912 p.
- Beauvois 1991 — *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832 / przeł. I. Kania. Rzym: Fundacja Jana Pawła II; Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. 459 s.
- Bieliński 1912 — *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa; Kraków [s. n.], 1912. Т. III. 877 s.
- Epsztein 2008 — *Epsztein T.* Ziemianie polscy na Wołyniu w XIX i XX w. // Niepodległość i Pamięć. 2008. № 27. S. 79–106.
- Jedlicki 1968 — *Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w szybkowym okresie feudalizmu. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968. 469 s.
- Kucharzewski 1914 — *Kucharzewski J.* Epoka paskiewiczowska w Królestwie Polskim: losy oświaty. Warszawa; Kraków [s. n.], 1914. 635 s.
- Miąso 1966 — *Miąso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1966. 324 s.
- Miąso 1990 — *Miąso J.* Tajne nauczanie w Królestwie Polskim w świetle dokumentów władz rosyjskich // Rozprawy z dziejów oświaty / pod redakcją J. Miąso. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1990. Т. XXXIII/90. S. 47–85.
- Poznański 1980 — *Poznański K.* Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskim po upadku Powstania Listopadowego // Rozprawy z dziejów oświaty / pod red. J. Miąso. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1980. Т. XXIII/80. S. 65–99.
- Staszyński 1964 — *Staszyński E.* Problem języka polskiego w szkołach rządowych w Królestwie Polskim // Rozprawy z dziejów oświaty / pod red. L. Kurdybachy. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1964. Т. VII/64. S. 145–171.
- Studnicki 1906 — *Studnicki W.* Polityka Rosji względem szkolnictwa zaboru rosyjskiego. Studium polityczne-historyczne. Kraków: G. Gebethner i spółka, 1906. 260 s.

- Suchodolski (red.) 1977 — Historia nauki polskiej / pod red. B. Suchodolskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. T. III. 1795–1862. 869 s.
- Truchim 1960 — *Truchim S.* Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku. Łódź: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1960. 144 s.
- Wolczuk 2005 — *Wolczuk J.* Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego, 1833–1862: szkice do obrazu. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 395 s.
- Wolczuk 1992 — *Wolczuk J.* Znajomość i nauczanie języka rosyjskiego w Polsce do roku 1832. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1992. 256 s.
- Włoszyński 1974 — *Włoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1974. 489 s.
- Zasztowt 1997 — *Zasztowt L.* Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, 1997. 474 s.
- Zasztowt 1996 — *Zasztowt L.* Nielegalne szkoły w Wileńskim Okręgu Naukowym w latach siedemdziesiątych XIX w. // *Rozprawy z dziejów oświaty / pod redakcją J. Mięso.* Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, 1996. T. XXXVII/96. S. 119–143.

References

- Babin, V.G., 2004. Gosudarstvennaia obrazovatel'naia politika v Zapadnykh guberniakh vo vtoroi polovine 19 — nachale 20 v. [State educational policy in the Western provinces in the second half of the nineteenth and the early twentieth centuries]. In: Verbitskaia, L.A., Anan'ich, B. V., Ganelin, R. Sh., red. *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii (16 — nachalo 20 v.): materialy nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 8–10 dekabria 2003 goda* [Power, society and reforms in Russia (from the sixteenth to the beginning of the twentieth centuries): Proceedings of a scholarly and theoretical conference, 8–10 December 2003]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, pp. 199–224.
- Beauvois, D., 2011. *Gordiev uzel Rossijskoi imperii: vlast', shliakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793–1914)* [The Gordian knot of the Russian Empire: Power, gentry and people in the Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1008 p.
- Beauvois, D., 1977. *Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803–1832*, II. Lille: Atelier reproduction des thèses Université de Lille III; Paris: diffusion Librairie Honoré Champion, 912 p.

- Beauvois, D., 1991. *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832*, 2. Rzym: Fundacja Jana Pawła II; Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 459 p.
- Bieliński, J., 1912. *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, III. Warszawa [s.n.], 877 p.
- Dolbilov M. D., 2010. *Russkii kraj, chuzhaia vera: Etnokonfessional'naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, alien faith: Ethnoconfessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 999 p.
- Berezhnaia, L. A., Budnitskii, O. V., Dolbilov, M. D., Makushkin A. V., Miller, A. I., 2006. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 608 p.
- Epsztein, T., 2008. Ziemiańscy polscy na Wołyniu w XIX i XX w. *Niepodległość i Pamięć*, 27, pp. 79–106.
- Gorizontov, L. E., 1999. *Paradoksy imperskoi politiki: Poliaki v Rossii i russkie v Poł'she (19 – nachalo 20 v.)* [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (from the nineteenth to the beginning of the twentieth centuries)]. Moscow: Indrik, 272 p.
- Jedlicki, J., 1968. *Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 469 p.
- Kucharzewski, J., 1914. *Epoka paskiewiczowska w Królestwie Polskim: losy oświaty*. Warszawa; Kraków [s.n.], 635 p.
- Miąso, J., 1966. *Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 324 p.
- Miąso, J., 1990. Tajne nauczanie w Królestwie Polskim w świetle dokumentów władz rosyjskich. In: Miąso, J., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, XXXIII/90. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, pp. 47–85.
- Lopatina, E. B., 2011. *Politika Rossiiskoi imperii v pol'skom voprose v 1880–1890 gg.: dis.... kand. ist. nauk* [The policy of the Russian Empire in the Polish question in 1880–1890. PhD thesis]. Moscow, 209 p. (manuscript).
- Nigalatii, M. E., 2009. *Pravitel'stvennaia politika v oblasti obrazovaniia v Tsarstve Pol'skom v 60-e – ser. 70-h gg. 19 v.: nachal'noe i srednee obrazovanie: dis.... kand. ist. nauk* [Governmental policy in the field of education in the Kingdom of Poland from the 1860s to the middle of the 1870s: primary and secondary education. PhD thesis]. Moscow, 235 p. (manuscript).
- Poznański, K., 1980. Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskim po upadku Powstania Listopadowego. In: Miąso, J., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, XXIII/80. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, pp. 65–99.
- Rozhdestvenskii, S. V., 1902. *Istoricheskii obzor deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshchenia 1802–1902* [Historical review of the activities of the

- Ministry of Education 1802–1902]. Saint Petersburg: Izdanie ministerstva narodnogo prosveshchenia, 787 p.
- Sergeenkova, V. V., Ershova, O. I., Guliuk, M. A., Sharaeva, E. I., 2008. Vilenskii uchebnyi okrug: politika rossiiskogo pravitel'stva v oblasti obrazovaniia (vtoraia polovina 19 – nachalo 20 v.) [Vilensky school district: the policy of the Russian government in the field of education (from the second half of the nineteenth to the early twentieth centuries)]. In: Sal'kov, A. P., Ianovskii, O. A., ed. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia* [Russian and Slavic historical studies], 3. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, pp. 57–75.
- Shcherbatov, A. P., 1896. *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich, ego zhizn' i deiate-lnost'* [Field Marshal Prince Paskevich, his life and work], 5: 1832–1847. Saint Petersburg: Tip. R. Golike, 414 p.
- Staszyński, E., 1964. Problem języka polskiego w szkołach rządowych w Królestwie Polskim. In: Kurdybacha L., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, VII/64. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, pp. 145–171.
- Uspenskij, B. A., 2004. Nikolai I i pol'skii iazyk (Iazykovaia politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Tsarstva Pol'skogo (voprosy grafiki i orfografii) [Nicholas I and the Polish language (Language policy of the Russian Empire towards the Kingdom of Poland (the issues of graphics and spelling)]. In: Uspenskij, B. A. *Istoriko-filologicheskie ocherki* [Historical and philological essays]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, pp. 123–155.
- Studnicki, W., 1906. *Polityka Rosji względem szkolnictwa zaboru rosyjskiego. Studium polityczne-historyczne*. Kraków: G. Gebethner i spółka, 1906, 260 p.
- Suchodolski, B., ed., 1977. *Historia nauki polskiej*, III. 1795–1862. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. 869 p.
- Truchim, S., 1960. *Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku*. Łódź: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 144 p.
- Wolczuk, J., 2005. *Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego, 1833–1862: szkice do obrazu*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 395 p.
- Wolczuk, J., 1992. *Znajomość i nauczanie języka rosyjskiego w Polsce do roku 1832*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 256 p.
- Woloszyński, R. W., 1974. *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 489 p.
- Zasztowt, L., 1997. *Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, 474 p.
- Zasztowt, L., 1996. Nielegalne szkoły w Wileńskim Okręgu Naukowym w latach siedemdziesiątych XIX w. In: Miąso, J., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, XXXVII/96. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, pp. 119–143.

Olga S. Kashtanova

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Language policy in the field of education in the western provinces of Russia and the Kingdom of Poland in the nineteenth century

The article is devoted to the language policy of the Russian government in the field of education in the western provinces of Russia and the Kingdom of Poland in the nineteenth century. In territories with a predominantly Polish cultural element, teaching in the first third of the nineteenth century was conducted in Polish. The purpose of this work is to trace the change in attitude of the ruling spheres towards the system of Polish education. Language policy in the western outskirts of the Russian Empire went through several stages: from tolerance in the first third of the nineteenth century, to the Depolonisation of education in the western provinces in the 1830s, and the complete Russification of education after 1863, not only in the Russian territories, but also in the Kingdom of Poland. In this process, the uprisings of 1830–1831 and 1863–1864 certainly played an important, although not decisive, role. It seems that, to one degree or another, the Depolonisation of education in the western provinces would still have been carried out but would have taken place more gradually. The Russian government saw their task in integrating education in the western provinces into the all-Russian system; for this purpose, it was important to reduce contact between the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth that were under Russian rule and strengthen their ties with the empire. For the same reason, there would probably have been a gradual introduction of the Russian language into the curriculum of educational institutions and the clerical work of state institutions in the Kingdom of Poland.

Keywords: western provinces, Russia, Kingdom of Poland, education, Depolonisation, Russification, Polish uprisings